

Добрыня Никитич и Алеша Попович

Как во славном во городе во Киеве,
Да у славного князя у Владимира.
Ласковый князь стольнокиевский
Завел он славный честный пир,
Пригласил всех князей, всех бояринов
Да и русских могучих воинов,
Пригласил всех к себе на славный пир.
Все они на пир съезжались,
Все на пир прибирались,
Все на пиру угощались.
Все на пиру принапились,
Все на пиру разгулялись,
Все на пиру взвеселились,
Сделались на пиру в хмельном разуме.
Все на пиру порасхвастались,
Все они хвастались – который чем:
Который ли хвастал добрым конем,
Который ли хвастал богачеством,
Который ли хвастал золотой казной.
Васильюшко Буслаевич выхвастывал:
«У меня как у доброго молодца
Стоят добрые комони не езжены,
Куньи шубоньки висят не ношены,
Золотой казны – а и сметы нет».
Говорил тут князь стольнокиевский:
«Как у меня теперь добры молодцы порасхвастались,
Один-то Добрынюшко Никитинич
Ничем-то он да не хвастает.
Что же ты, Добрынюшко, ничем не хвастаешь?»
Говорил в ответ добрый молодец:
«Нечем мне теперь выхвастывать –
Нету имения, ни богачества,
Нету без счету золотой казны,
Только есть у меня теперь имение-богачество

Одна по нраву молода жена,
Молода жена да любима семья,
Любима семья да Настасья Николаевна».
Разгневались тут русские богатыри
На того ли на Добрынюшку Никитича,
Насказали они князю да Владимиру,
Что-де есть в чистом поле наездники,
Ищут себе наездников-супротивников,
Нам некого туда отправить
Окромя Добрынюшки Никитича –
У Добрынюшки есть силушка великая,
У Добрынюшки лошадушка звериная,
Прочистит нам широкие дороженьки,
Тогда будет вам всегда выезжати.
Тут все они собча (сообща) согласились,
Назначили Добрынюшку на заставу
Ни надолго, накоротко, на двенадцать лет.
Говорил тут князь стольнокиевский:
«Ай же ты, Добрынюшко Никитинич,
Отправляйся-ка теперь во чисто поле,
Очищай-ка все широкие дороженьки».
Стоял тут Добрыня на резвых ногах,
Задрожали у него резвы ноженьки,
Сменилося его личе (лицо) белое,
Не становился он на место указанное,
Крестов не полагал по-писаному,
Поклонов не провел по-ученому,
Выходил тотчас со пиру со честного,
Отправился со терему высокого,
Выходил с палаты белокаменной,
Выходил Добрыня на широкий двор,
Приклонил он свою младую головушку,
Потупил свои он очи ясные
Во матушку во сыру землю,
Подходил ко своему двору широкому,
Приблизился к своей палате белокаменной,
Ни зашел в свою палату белокаменну,
Ни явился в свой да высок терем.
Заходил он прямо в стойло лошадиное,

Собирал там он золоту сбрую.
Увидала родитель его матушка
Со высокого злаченого со терема,
Взглянула в косещето окошечко,
Увидала Добрынюшку Никитича,
Говорила Настасье Николаевной(е):
«Как идет-то наш удалый добрый молодец,
Что с пиру не весел идет,
Пришел он в свой широкий двор,
Не всходит он что во палатушку,
Не является он что-то во высок терем.
Говорила тут Настасья Николаевна:
«Вы бежите-ка теперь на широк двор,
Уж и что ж он теперь там продолжается,
К нам во терем сегодня не является?»
Бежала тут Офимья Олександровна,
Скорешенько бежала на широкий двор,
Увидала там Добрынюшку Никитича -
Он нuzдает, - седлает коня доброго,
Полагает он войлоки мягкие,
На войлоки седельшки черкасские,
Затягает затяжечки шелковые,
Застегает он пряжечки злаченые,
Затяжечки-то тянутся, не сорвутся,
Пряжечки от дождичка не ржавеют.
Подходила тут родитель к нему матушка,
Пожита вдова Офимья Олександровна,
Говорила она ему таковы слова:
«Ай же ты, мое чадо милое,
Чадо милое, дите любимое,
Что же ты из пиру не весел пришел?
Или место тебе было не по-чину,
Или чарочкой тебя там пообнесли,
Или какая собака облаяла?
Не заходишь ты сегодня во палатушку,
Не явился ты теперь во высок терем,
Там скучает Настасья Николаевна,
Наконец, куда ты теперь отправляешься,
Нам когда ждaть тебя, когда в окошечко посмaтривать?»

Говорил в ответ Добрынюшко Никитинич,
Отвечал своей родимой маменьке:
«Ты не спрашивай, родитель моя матушка,
Про мою теперь велику победушку,
Не давай-ка ты великою назолушки
Моему теперь спобедному сердечушку.
Уж как ты меня несчастного спородила,
Зародила ты на свет меня несчастного,
Зародила ты на свет да неталанного,
Уж ты лучше бы меня да не родила бы,
Уж ты лучше бы меня на свет да не пустила бы,
Уж ты лучше во чреве задавила бы,
Ты в сыром бору меня бы заморила бы,
На синем море меня бы затопила бы.
Зародила ты меня на свет несчастного,
Зародила ты да не смелого,
Зародила да не резвого.
Зародила бы меня родитель-матушка,
Уж как удалью во Дюка да Степаныча,
По наречью в Чурилушку Щипленкова,
Уж как смелостью в Олешечку Поповича.
Уж я лучше бы да молодец не рожен был,
Уж я лучше бы да молодец не рощен был,
Уж я лучше бы да молодец не женен был,
Всего лучше бы на пир не приглашенный был.
Уж как был я на пиру да на честном.
Было место дано мне там по-чину.
Чаркой-то меня не обносили там,
Никакая собака не облаяла;
Все-то на пиру разгулялися,
Все на пиру взвеселилися,
Все на пиру принапилися,
Сделались все в хмельном разуме.
Все они хвастались - который чем.
Как у меня-то у доброго молодца,
Не хватило у меня разума в головушке,
На мало не хватило - на единый час.
Уж как я-то с глупа разума повыхвастнул,
Я похвастал своей да молодой женой.

Разгневались на меня да добра молодца,
Насказали князю Володимиру
И назначили меня теперь на заставу.
Не надолго, накоротко, да двенадцать лет,
Иди теперь скорее во высок терем
И скажи Настасье Николаевной(е) –
Если хочет – пусть сейчас придет».
Тут заплакала Офимья Александровна,
Пошла она в палаты белокаменны,
Входила она во высок терем,
Говорила Настасье Николаевной(е):
«Ай же ты Настасья Николаевна,
Сидишь ты во злаченном терему,
Под собой ты невзгодушки не ведаешь –
Как уезжает цвет наше любимое,
Отправляется удалый добрый молодец,
Он нuzдает – седлает коня доброго.
Ты беж(г)и теперь скорее на широкий двор,
Ты выпрашивай его да выведывай –
Нам когда-то ждать его, в окошечко посматривать».
Тут бежала Настасья Николаевна,
Скорешенько бежала на широкий двор,
Увидала тут Добрынюшку Никитича –
Он сидит уж на добром коне.
Подбежала она к нему скорешенько,
Смотрела на него она прямешенько,
Говорила ему милешенько,
Подходя с плеча руки правой,
Говорила же таковы слова:
«Ай же ты, Добрынюшко Никитинич,
Ты далече ли теперь да отправляешься
И на долго ли от нас ты отдаляешься,
К нам во терем сегодня не являешься?
Нам когда ждать, когда в окошечко посматривать?»
Сидит-то Добрыня на добром коне,
В ручке держит плеточку шелковую,
Шелковой плеткой частешенько помахивает,
С молодой женой он разговаривал:
«Ай же ты, моя мила молода жена,

Молода жена да любима семья,
Любима семья Настасья Николаевна,
Когда про то стала выпрашивать –
Я тоже про то буду высказывать. –
Уезжаю я теперича на заставу,
Надолго уезжаю, на двенадцать лет.
Уж ты год не жди меня, ни другой не жди,
Ты на третий год в окошечко не взглядывай.
Уж как буду я должать там на заставе,
Как не приеду я домой да со чиста поля,
Приезжать-то к вам будут гости немилые,
Привозить будут вести нехорошие,
Частешенько будут к вам поезживать,
Близешенько будут к вам подхаживать,
Милешенько будут разговаривать,
Во очах будут вас обманывать,
И замуж будут посватывать –
Ты не верь, моя Настасья Николаевна,
Ни князьям, да не бояринам,
Ты не русским могучим богатырям.
На исходе будет времени двенадцать лет,
Как не приеду я со чиста поля –
Ты частешенько в зеленый сад похаживай,
На кудрявы деревиночки посматривай –
Как прилетят голубь со голубкою,
С куста на куст будут перелетывать,
Промежду собой будут разгуркивать,
Промежду собою будут возговаривать,
Что нет жива Добрынюшки Никитича,
Отрублена ему буйная головушка,
Он головушкой лежит под ракитов куст,
Он резвыми ногами во Пущай-реку,
Сквозь желты кудерники трава растет, -
Ты потом, моя Настасья Николаевна,
Хошь вдовой сиди, хошь замуж поди,
Хошь за князей поди, хошь за боярина,
Хошь за русских могучих богатырей,
Только не ходи-ка ты, Настасья Николаевна,
За смелого Алешеньку Поповича,

Да за женского насмешника».
Как тут у Настасьи Николаевной(ы)
Подкосились у ней резвы ноженьки,
Задрожали у ней ручки белые,
Сменилось у ней личико белое,
Помутились у ней очи ясные –
Не могла стоять на резвых ноженьках,
Упала тут она на сыру землю,
Тут заплакала она горючими слез(а)ми,
Заревела она матом нехорошим.
Она видела Добрынюшку сядучи,
Не видала с широка двора едучи.
Приклонил он свою младую головушку,
Брал тут ее за белу руку,
Целовал ее в уста сахарные,
Отправлялся с широка двора,
Не воротами поехал широкими –
Скочил через стену городовую,
Отправился Добрынюшко Никитинич
На своем да на добром коне.
От него пошли поездки богатырские,
От коня пошли поступки лошадиные,
В поле копыть столбом стоит.
Отправился далече во чистое поле,
В чисто поле отправился на заставу...
Тут день за день – как дождь дождит,
Неделя за неделей – как ручей бежит,
Месяцы идут – как реки текут –
Не видно Добрыни со чиста поля.
Прошло тому времени три году,
Не видать Добрыни из чиста поля.
Опять время идет, как вода текет,
Год за год идет, как река текет,
Прошло тому времечка шесть годов –
Не видать Добрыни из чиста поля.
Тут приехал из далече – далече со чиста поля,
Приехал Алешенька Попович сын,
Без доклада заезжал на широкий двор,
Без дологи он взошел во палатушку,

Без спросу явился во высок терем,
Становился он на место не указанно,
Кресты полагал по-писаному,
Поклоны провел по-ученому
На все на три, на четыре на сторонушки,
Добрынюшкиной матушке вособенно.
«Уж вы здравствуйте, Добрынюшкина матушка
Пожита вдова Офимья Олександровна.
Я приехал-то теперя из чиста поля,
Уж я вам да от Добрынюшки поклон привез,
Добрынюшки Никитича живого нет –
Отрублена его буйная головушка,
Головушкой лежит под ракитов куст,
Сквозь желты кудри трава растет».
Уж как тут-то Добрынюшкина маменька,
Она горькими слезами да заплакала.
Тут отправился Алешенька Попович,
Отправился со терема высокого,
Уезжал со двора со широкого...
Опять время идет – как вода текет,
Недели идут – как ручьи бегут,
Месяцы идут – как реки текут,
Не видать Добрыни из чиста поля.
Стал частешенько Алешенька наезживать,
Стал близешенько к Настасьюшке подхаживать,
Стал милешенько он с нею разговаривать,
Замуж стал ее он тут посватывать,
Тут время идет – как вода текет,
День за день идет – как ручьи текут,
Месяцы идут – как реки бегут,
Прошло тому времени девять лет –
Не видать Добрыни со чиста поля.
Приехали тут князь Владимир со княгинею,
С Апраксией приехал Николаевной,
И Алешенька Попович с нима(и)
Сватать Настасью Николаевну.
Встречала она дорогих гостей,
Угощала она гостей милых,
Дарила она дорогих гостей –

Князя подарила полотенышком,
А княгиню дарила косыночкой,
Алешу же дарила каленой стрелой.
Говорила тут Настасья Николаевна:
«Ай же ты, Алеша Попович,
Головушка твоя есть не уемная,
Твои речи не умильные.
Уходи сейчас со терема высокого,
Убирайся с палаты белокаменной,
Уезжай со добра с моего двора,
Чтобы век ко мне да не подхаживать,
На нашу палату не заглядывать».
Отправила она дорогих гостей...
Опять время идет – как вода текет,
День за день – как дождь дождит,
Неделя за неделей, что ручей бежит,
Месяцы идут, что реки текут,
Приближается время близ двенадцать лет,
Не видать Добрыни со чиста поля.
Опять приехал князь Владимир со княгинею,
С Апраксией свет да Николаевной
Сватать Настасью Николаевну
За смелого Алешеньку Поповича.
Не охотою идет – берут неволею.
Начали они играть славный пир,
Развели они пир двенадцать ден,
Играют и ведут славный пир.
Исполняется-то время двенадцать лет –
Не видать Добрыни из чиста поля:
Сидел-то Добрыня Никитинич
Далече во поле во дальнем,
Под кустами сидел под ракиновыми.
Прилетели тут голубь с голубкою,
С куста на куст они стали перелетывать,
Промежду собой стали возгуркивать:
«Что не знает Добрынюшко Никитинич великой невзгодушки
Над своей над младою головушкой.
Как сидит-то он под кусточком ракиновым,
А его-то молода жена замуж идет

За смелого Алешеньку Поповича,
Не охотой идет - берут неволею,
Ведут они пир двенадцать ден».
Разгорелось у Добрынюшки сердечушко,
Расходилась сила богатырская,
Вскакал Добрыня на добра коня,
Отправился со поля со чистого,
Поехал Добрыня в свою сторону,
Подъезжает-то он ко городу ко Киеву,
Увидала тут родитель его маменька,
Пожита вдова Офимья Александровна,
Нечаянно взглянувши во окошечко.
Ни черный ворон с поля пурхае -
Едет из чиста поля наездничек,
На лошадушке сидит будто лессовой зверь,
Одеженька на нем есть грязнешенька,
Бело личико чернешенько,
Без доклада заезжает да на широкий двор,
Не воротами заехал широкими -
Он скочил через стену городовую,
Слезал да со добра коня,
Привязал коня ко тому столбу,
Ко тому столбу да к точеному,
Ко тому кольцу золоченому,
Вошел в палату белокаменну.
По лестницам идет - слезно плачучи,
По дверям идет - Богу молится,
Прискакал-то на гредени столовые,
Становился на место указанно,
Кресты полагал по-писаному,
Поклоны провел по-ученому,
На все на три, на четыре на сторонушки.
Офимье Александровной(е) особенно.
«Уж ты, здравствуй-ка, Добрынюшкина матушка,
Пожита вдова Офимья Александровна,
Я приехал из чиста поля,
Я вам от Добрынюшки поклон привез,
А Добрыня в скором времени прибудет к вам.
Говорила тут Офимья Александровна,

Говорила она тут таковы слова,
Заплакала она горючими слез(а)ми:
«Не говори-ка ты, незнаем добрый молодец,
Не говори-ка ты таковых слов,
Не давай-ка ты великой назолушки
Моему теперь ретивому сердеченьку.
Ведь уже шесть лет, как Добрынюшки живого нет,
А Добрынина молода жена замуж идет
За смелого Олешеньку Поповича,
Не охотой идет – берут неволею,
Ведут они пир двенадцать ден».

Говорил тут Добрынюшко Никитинич:

«Ай же ты, Добрынюшкина матушка,
Дай-ка ты одежоньку Добрынину,
Дай-ка мне гусельшки Добрынины,
Я пойду туда на славный пир».

Говорит Добрынюшкина маменька:

«Не проси-ка ты одежоньки Добрыниной,
Не проси-ка ты гусельшки Добрынины,
Пускай одежонька мне на погляденьице.

Говорит Добрынюшка Никитинич:

«Принеси с добра одежоньку Добрынину
И гусельшки Добрынины».

Заплакала тут Офимья Александровна,

Принесла ему одежоньку Добрынину,

Принесла ему гусельки Добрынины.

Говорила ему Офимья Александровна:

«Ай же ты, незнаем добрый молодец,
Ведь как же ты пойдешь на славный пир? –

Все там есть гости званые,

И все есть там гости приглашенные,

Один ты туда незван придешь,

Не пустят тебя и на честный пир,

У всех дверей там караул стоит».

Говорит Добрыня ей Никитинич:

«Уж я незван идти попробую».

Пошел удалый добрый молодец,

Подходил он ко двору широкому,

Ко палате подходил белокаменной.

Там у ворот караул стоял,
Не спускают добра молодца:
«Вам нельзя идти незваному».
Разгорелось у Добрынюшки сердечушко,
Расходилась сила богатырская,
Как начал караул-то он поширивать –
Которого поширнет – рука долой,
Которого повернет – нога долой,
Другого перевернет – голова долой,
Куда махнет – туда улица,
Перевернет – переулочек,
Пробрался в палату белокаменну,
По лестницам идет – слезно плачучи,
По дверям идет – сам крестится.
Явился во терем высоким,
Становился на место указанное.
Кресты полагал по-писаному,
Поклоны провел по-ученому
На все на три, на четыре сторонушки.
Князю со княгинею особенно.
Говорил тут князь стольнокиевский:
«Все у нас теперя гости званые,
Все у нас гости приглашенные,
Лишь один к нам гость незван пришел –
Нам куда же этого гостя посадить теперя?»
Говорил тут Добрынюшка Никитинич:
«Куда посадишь – там и я сижу,
Что достану – то и ем да пью».
Говорил тут князь стольнокиевский:
«Ваше место есть на запечее».
Заставился Добрыня за печку за муравую,
Говорил тут Добрынюшка Никитинич:
«Вы позвольте мне пожалуйста
Хошь раз сыграть в яровчаты гусельшки».
Стал частешенько из запечья посматривать,
Веселешенько в гусельшки поигрывать.
На пиру игра та всем понравилась –
Стоят яствушки сахарные не едены,
Стоят чарочки налитые не выпиты,

Говорила тут княгиня обрученная:
«В этаки гусельки прежний муж играл.
Вызывайте-ка незнаема добра молодца,
Вызывайте-ка из запечья муравого,
Пригласите ко столу его ко честному,
Пусть садится, где ему место нравится,
Угощайте его, как и всех гостей.
Говорил князь стольнокиевский:
«Выходи-ка ты, добрый молодец,
Выходи теперь из запечья муравого,
Садись ко столу да ко честному,
Садись теперь, где место нравится».
Говорил тут Добрынюшка Никитинич:
«Я желаю сесть супротив княгини обрученной».
Садился он к столу ко честному
Супротив княгини обрученной,
Наливали ему чару зелена вина,
Подносили Добрынюшке Никитиничу.
Принимал он чару во праву руку,
Спускал туда он злачен перстень,
Вставал Добрыня на резвы ноги,
Говорил Добрыня таковы слова:
«Вы позвольте мне теперь пожалуйста
Поднести княгине обрученной».
Говорил Добрыня таковы слова:
«Вот же ты теперь княгиня обрученная
Пей-ка эту чару зелена вина,
Если хочешь добра старого;
Если пьешь до дна – увидишь добра,
А не пьешь до дна – не видать добра».
Брала княгиня обрученная,
Брала чару во праву руку,
Выпивала эту чарочку до донышка,
Увидала там злачен перстень,
Которым перстнем с Добрыней обручалася.
Говорила тут княгиня обрученная:
«Я не знаю теперича, не ведаю,
Откель красно солнышко засияло здесь
На мою теперь на младую головушку.

Чего вовсе я теперь не надеялась –
Вот не тот тут муж, что со мной сидит,
А тот мой муж, который на меня глядит».

Через столики скакала она дубовые,
Через чарочки налитые, не питые,
Через яствица сахарные,
Брала Добрыню за белые руки,
Целовала во уста его сахарные.

«Ай же ты, Добрынюшка Никитинич,
В этой винушке теперь не прощай меня,
Бери-ка ты меня да шелкову плеть,
Ударяй-ка ты меня до кровавых ран.
Говорил Добрынюшка Никитинич:
«Я в этой вине прощу тебя –
Не охотой ты идешь – идешь неволею,
Ну, Алешеньке-то я не прощу теперь».

Хватал он Алешу за желты кудри,
Выдергал из-за стола добового,
Через яствица сахарные,
Через чарочки налитые,
Стал по терему Алешеньку потаскивать,
Стал гуселками Алешу поколачивать –
У Алешеньки-то кости заряжандали.

Говорил тут Алешенька Попович:
«Оставь еще меня хоть в живости».

Говорил тут Добрынюшка Никитинич:
«Уж вы в праве ли теперь все это сделали?
Я двенадцать лет повистоял на заставе,
А он что поднял, собачий сын?
Он от жива мужу жену отнял».

Хошь и бит Алеша – все же смел бывал,
Садился ко столу ко честному,
Повесил свою буйную головушку:
«Всякий на свете поженится,
Но не всякому женитьба удавается:
Удавалась Добрынюшке Никитичу,
Не удачная Иванушке Годинову,
Хуже нету же Алешеньке Поповичу,
Верно столько-то Алеша и женат бывал,

Верно столько Алеша с женой сидел».
Тут отправился Добрынюшка Никитинич,
Ни крестов не полагал по-писаному,
Ни поклонов не провел по-ученому.
Отправился со пиру со честного,
Выходил с палаты белокаменной,
Подходил к своей палате белокаменной,
Увидала его родитель-матушка
Со высокого злаченого со терема,
Увидала Добрынюшку Никитича –
Он идет да с молодой женой,
С молодой женой Настасьей Николаевной.
Тут скорешенько бежала на широкий двор,
И милешенько встречала молодых гостей.

Записано от Н. С. Еремеевой, крестьянки Петрозаводского уезда,
Великогубской волости,
Деревни Конды, в 1901 г. Н. С. Шайжин, «Олонецкий фольклор».
Петрозаводск, 1906 г.